

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 27-го Июля 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9447.

Живой зубъ.

Paul et Viktor Margueritte.
(Съ французского).

Купе баронессы Мюльбахъ быстро катилось по улицамъ Парижа. Она сидѣла, прислонившись къ подушкамъ экипажа. Ноги ея были укутаны въ большое мѣховое одѣяло. Отъ времени до времени ея лицо съ выражениемъ беспокойства наклонялось къ окну. Какъ! это еще только авеню Боске! Ей казалось, что она Ѳдетъ чуть не цѣлый часъ. Какое наказаніе! Лошади едва плетутся! Ужъ лучше бы она поѣхала на автомобилѣ, было бы скорѣе.. Хотя, нѣтъ! ужъ очень трясетъ.. И она приложила къ щекѣ тонкій вышитый платокъ...

А! докторъ былъ правъ! два мѣсяца тому назадъ нужно было рѣшился на эту операцию. Теперь ничего бы уже и не было. Въ ту минуту, когда болитъ—рѣшаешься, а потомъ, боль проходитъ.. и обо всемъ забываешь. Что за нелѣпость!

Ровнымъ и скорымъ шагомъ бѣжала превосходно подобранныя пара чудныхъ, рыжихъ жеребцовъ, купленныхъ, по слухаю, за двѣнадцать тысячъ франковъ,—прямо-таки даромъ, та chere!—послѣдняя покупка барона; онъ получилъ очень хороший дивидендъ. Темно-синяя карета съ гербомъ, благодаря резиновымъ шинамъ и великколѣпнымъ рессорамъ, мчалась безъ одного толчка, раскачиваясь необыкновенно мягко и эластично.

— Это просто невозможноН!—пробормотала баронесса. А! вотъ, каконецъ, и мостъ...

Она, дѣйствительно, страдала. Ну, можно ли? Испорченный зубъ, негодный маленький зубъ! Это именно и причинило ей столько мученій. Въ душѣ у нея было такое чувство, точно все это какая то незаслуженная несправедливость, какое-то небывалое несчастье. Стоило того называться баронессой Мюльбахъ и имѣть мужемъ самаго богатаго человѣка въ Парижѣ! (Баронъ только-что продалъ золотые пріски за двадцать миллионовъ франковъ). Она забыла въ эту минуту и свой роскошный домъ-дворецъ, и свою богатую обстановку, и свою счастливую жизнь хорошенѣкой женщины. Нѣтъ, она страдала ужасно!

— Я, кажется, никогда не прѣду!

Она подняла глаза. Часы въ кожаномъ футлярѣ, висѣвшіе передъ ней, показывали половину третьего...

— Минутъ на двадцать я прѣду ранѣше. Лишь бы только все было готово...

Члены Государственной Думы въ сокольскихъ костюмахъ на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ.

Слѣва направо стоятъ: М. А. Искрицкій, гр. В. А. Бобринскій, Н. Н. Львовъ.
Сидятъ: В. А. Маклаковъ, А. С. Гижицкій.

Она только теперь впервые подумала о томъ, что должно произойти. О! это дѣло одной секунды! По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ докторъ... Пары зеира сдѣлаютъ лесну нечувствительной. Вырвутъ болѣй зубъ (кракъ! готовъ!) и на его мѣсто сейчасъ же поставятъ другой, за секунду до этого взятый изъ челюсти, какой-нибудь бѣдной женщины, этимъ промышляющей—способъ безъ особыхъ стараний заработать себѣ лишній луи.

— Какой чудный день! Какъ глупо страдать въ такую погоду!

Она съ горечью посмотрѣла на окружавшій ее со всѣхъ сторонъ веселый пейзажъ. Ея купе было уже почти въ концѣ моста. Голубое небо пробивалось мѣстами сквозь густыя облака. Зеркальная поверхность Сены, Трокадѣ-

ро, деревья набережной; башня Эйфеля; шмыгавшія по рѣкѣ лодки—все, вдругъ, освѣтилось появившимся изъ за тучъ солнцемъ. Конецъ зимняго дня, точно по мановенію волшебнаго жезла, превратился въ яркое весеннее утро.

Площадь Альма. Авеню Монтенъ... Въ самомъ дѣлѣ, какъ глупо все вышло! Она должна была отмѣнить свиданье въ Бординьерѣ, отложить примѣрку у портного, теперь она, конечно, потеряла свою очередь и должна будетъ ожидать цѣлую вѣчность... Ай, что за боль! нѣтъ, ей положительно не везетъ.

— Хоть бы докторъ успѣль предупредить эту особу!

Если мнѣ придется ждать, это будетъ ужъ черезчуръ. И ей стало досадно, что она зависитъ отъ какой то неизвѣстной женщины.

— Ба! Я вчера же послѣ оперы велѣла телефонировать, Джаксонъ долженъ былъ принять мѣры.

Ей вспомнился вчерашній спектакль въ театрѣ, переполненный знакомыми. Противъ нея въ ложахъ сидѣло: Лиранъ-Жюгатъ, м-те Гольдхеймъ (она усмѣхнулась—какая некрасивая и красная шея у нея...) и что за страсть у этихъ толстыхъ, старыхъ женщинъ носить такое декольте и бриллантовыя ожерелья). М-те de Тресангой, а въ клубной ложѣ красавецъ д'Асторгъ. А что даевали? Ахъ, да, „Тангейзера“. И когда баритонъ запѣлъ:

„О ты, роскошная звѣзда!“ д'Асторгъ ей поклонился. Она почтительно и слегка наклонилъ голову и посмотрѣлъ на нее, какъ и всегда, умоляющимъ взо-

ромъ. Она сейчасъ же его замѣтила, когда вошла. Нечего, конечно, говорить, глаза у него чудные! И какъ разъ въ ту минуту, когда она хотѣла ему послать въ отвѣтъ улыбку, ай! проклятый зубъ!

Она очнулась. Карета вдругъ остановилась. Она и не замѣтила, какъ она свернула къ Елисейскимъ полямъ. Лакей Джонъ спрыгнулъ съ козель; длинныя фалды его пальто цвѣта бежъ распахнулись, такъ что видны были его бѣлые панталоны и высокіе сапоги съ отворотами. Онъ быстро открылъ дверцы кареты и, вытянувшись въ струнку, пропустилъ мимо себя баронессу. Державъ одной рукѣ батистовый платокъ, приложенный къ щекѣ, она приподняла другой свою юбку: въ три прыжка, едва притрогиваясь къ тротуару кончиками лакированныхъ ботинокъ, очутилась у подъѣзда къ доктору.

Может быть, это дело простой случайности, или это было обычное явление, но только на лестнице дантиста зуб ей перестал болеть. Минуту она колебалась — не вернуться ли назад? Ей разъясняла уже здесь... и баронесса решительно начала входить по ступеням, покрытым широким ковром. Все здесь было похоже: мраморные стены и тяжелые перила лестницы, и лампы на высоких подставках, и чудная растения по углам... По всем обстановкам видно было, что д-р Джаксон, знаменитый дантист-англичанин, вырывал зубы, самое меньшее, коронованным особам, и, в крайних случаях, некоторым выдающимся людям из аристократии и финансового мира.

При повороте, на площадке, баронесса замечала впереди себя какую-то женщину. Она видела ее только спину: маленькая, худенькая, съежившаясь под плохонькой черной мантильей, она имела жалкий вид; на ней была темнокоричневая, сильно поношенная юбка и одна из трех шляп с перьями, франков в восемь, которая покупается на дешевках, на остатки жалованья.

Какая, она остановилась в бельэтаже. Она звонить? Но в клиентки доктору Джаксону она не годится.

И когда женщина, услышав сзади себя шаги, обернулась, баронесса увидела хорошенькое, грустное лицо с голубыми, усталыми глазами, окружеными синяками, и покорную улыбку на нем, открывавшую прелестные, белые зубы. Дверь открылась, незнакомка посторонилась, и баронесса прошла вперед в обширный вестибюль с стеклянными дверями; здесь суетилось несколько лакеев.

М-р Джаксон через несколько минут будет к вашим услугам, сударыня. У него король астуриский. Обыкновенная чистка зубов. Погрузитесь в ванну, — разсыпался красноречивый капитанский брюнет, заедавший всем дном Джаксона.

Четверть часа спустя (зубы аксессора были уже вычищены) дверь гостиной открылась. Появился сам Джаксон. Это был мужчина гигантского роста с очень сильными волосами и очень румяными щеками, откормленный, очевидно, кровяным мясом и различными дорогими блюдами. Он склонил перед баронессой свой широкий торс, при чем она увидела его гладкий, розовый череп; ворообразная, рыжеватая борода лантиста легла на отвороты его черного сюртука, с разноцветной розеткой в петлице. С торжественным видом, он, молча, указал ей на свой рабочий кабинет.

Баронесса немедленно счтилась в страшилом кресле с какими-то замысловатыми приспособлениями. Джаксон, нажав пуговку, привел в движение пружину. Крак! спинка опрокинулась, подпорка для головы приподнялась, ручки кресла скривились.

Не делайте мнѣ очень больно, доктор! Когда я сижу на этом эшафоте, мнѣ кажется, что я преступник, приговоренный к смерти, и ожидаю падения.

Доктор снисходительно улыбнулся.

— Вы ничего не почувствуете, баронесса.

Три помощника с озабоченным видом хлопотали около Джаксона: один подавал салфетку, другой — вапоризатор, третий — шипцы.

— Вы, значит, клянетесь мнѣ, доктор, что этот зуб будет крѣко стоять на своем месте?

— Все будет великолѣпо! Я сейчас же положу несколько капель своего элексира, затѣм в теченіе восьми дней вы будете продолжать сами его есть, утром и вечером по одной каплю, вотъ и все! Десна укрепится, ранка затянется, и у васъ будет новый, совершенно крѣпкий и здоровый зубъ; онъничѣмъ не будет отличаться отъ сосѣднихъ зубовъ. Теперь это въ большой модѣ вставлять живые зубы; фальшивые въ загонѣ.

— Тѣмъ не менѣе, это ужасно, представить, что у тебя во рту чьи-то чужие зубы.

— Будьте спокойны, баронесса. Я ставлю зубы только самого высшаго качества и гарантирую прочность работы.

Д-р Яролитъ-Челяковскій.
известный ученый, товарищ Крамаржа
по предсѣдательству въ чешскомъ клубѣ.

— О, яничѣмъ не рисую, доктор? Мнѣ не можешь что-нибудь передать? Вы, вѣрно, читали, не правда ли? «Нос нотариуса». Я бы не хотѣла проснуться завтра съ привычками и наклонностями прежней обладательницы моего зуба. Понимаете? Это было бы очень непрѣятно!

Джаксон, несмотря на свои толстые пальцы, очень искусно дѣйствовалъ инструментомъ. Помощники поперемѣнно полавали вапоризаторъ, салфетку и шипцы. Сухой звукъ. Внезапный толчокъ. Испорченный зубъ уступилъ. Баронесса, хотя ничего не чувствовала, сильно вздрогнула; въ глазахъ ей появился страхъ.

— Не двигайтесь, сударыня. Постучали въ дверь. Вошелъ маленький брюнетъ; онъ собственоручно принесъ зубъ только что вырванный у женщины, пришедшей для совершения этой операции въ квартиру дантиста.

Зубъ этотъ былъ удивительно блестящий и белый, его корни были въ крови. Однимъ движениемъ руки Джаксонъ поставилъ его на ногу. Элексыръ сдѣлалъ свое дѣло; десна сейчас же легла горкимъ кругомъ зуба; взявъ въ руки маленькие зеркальца, которое ей далъ дантистъ, баронесса несколько разъ раскрыла ротъ,

улыбнулась. Когда затянется ранка, ничего не будетъ видно. Никто не подумаетъ, что среди этихъ красивыхъ жемчужинъ есть и чужая.

— До свиданья докторъ. Мерси.

Баронесса была внизу лестницы; она уже видѣла улицу, весело освещенную солнцемъ, карету, ее ожидавшую, горячихъ лошадей и лакея Джона, когда передъ ней опять была та же незнакомая женщина, подходившая къ выходнымъ дверямъ. Она узнала ее коричневую юбку, черную мантилью; опять въ глаза ей бросился ее страдальческий видъ. Ей показалось, что она шла еще медленнѣе, казалась еще болѣе усталой. Баронесса догнала ее; незнакомка опять хотѣла посторониться и пропустить ее.

Баронесса посмотрѣла на нее: это было тѣ же грустные глаза, тѣ же блестящіе зубы.

Но что это? Что это такое? Она чуть не упала въ обморокъ! Тамъ! пустое место! Недоставало одного зуба... Она видѣла ясно, когда женщина опять улыбнулась своей покорной улыбкой... И хорошенькая мондена внезапно почувствовала въ душѣ укоры совѣсти, неопределенный ужасъ. Отдавала-ли она себѣ ясный отчетъ во всемъ этомъ? Неизвестно! Но она посмотрѣла на свою жертву пораженную, потому вдругъ быстрымъ движениемъ скватила съ своего пальца тяжелое кольцо, усыпанное драгоценными камнями, всунула его въ руку женщины и, полная неопределенной грусти, побѣжала къ роскошной каретѣ, дверцы которой Джонъ, неподвижный болѣе чѣмъ когда-либо, послѣдилъ ей открыть.

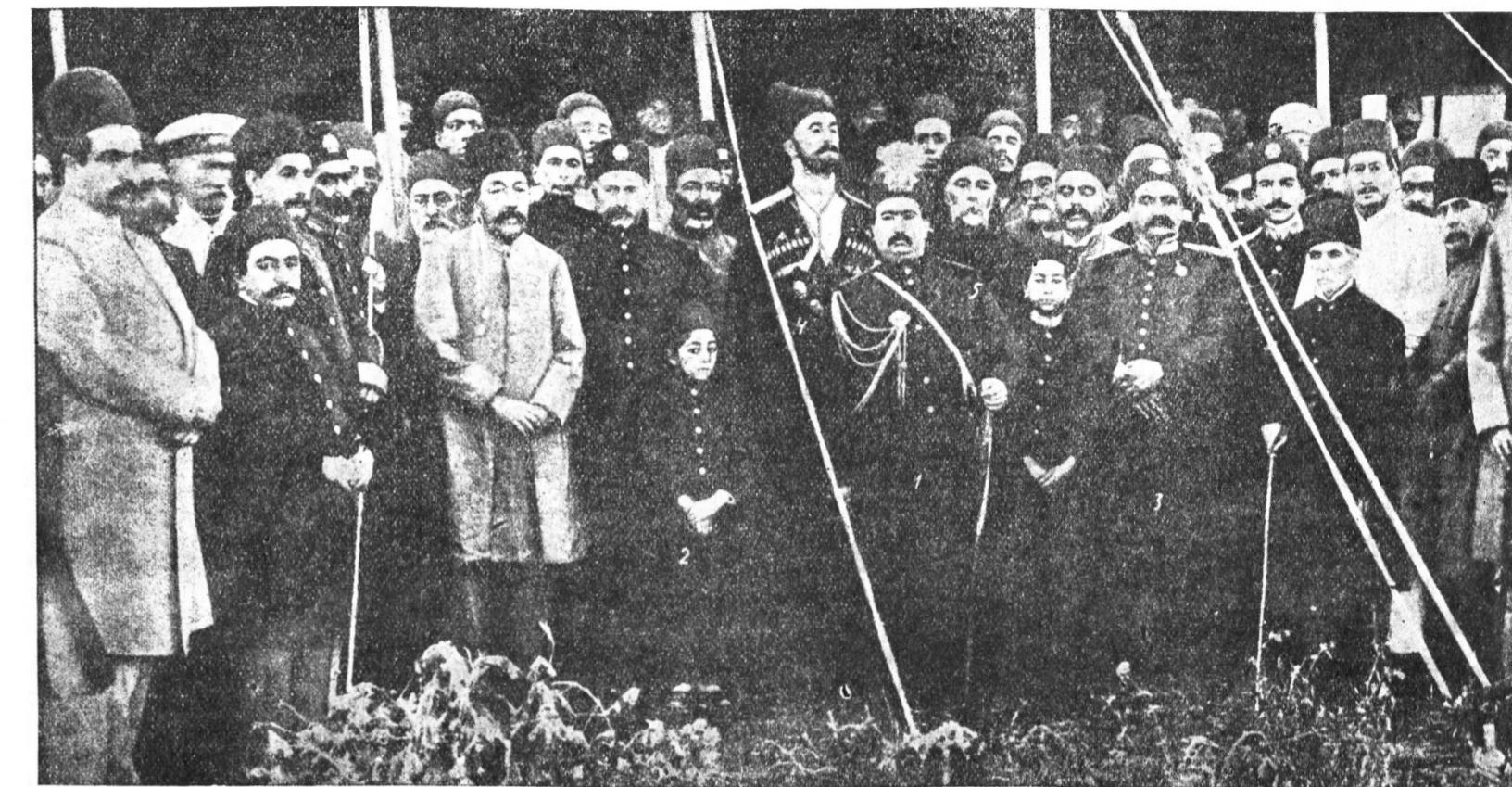
СИЛЬВА ШАРА.

(Переводъ съ французскаго Ф. З.)

Профессоръ Жиакомо Тедечи, известный врачъ практикъ въ Неаполѣ. Его домъ, расположенный возлѣ Инкороната, былъ посещаемъ разными лицами, среди которыхъ часто попадались красивыя продавщицы морскихъ фруктовъ въ Санта Лючія... Онъ пичкаетъ лекарствами отъ всѣхъ болѣзней, и, считая себя компетентнымъ во всѣхъ областяхъ медицины, онъ съ одинаковой неустранимостью вырываетъ зубъ и налагаетъ швы на гноящіяся раны. Для большей убѣдительности онъ часто пускаетъ въ ходъ тѣ скучныхъ сѣдѣній латыни, которыя онъ почерпнулъ изъ первоначальной школы. Небольшого роста, съ полнымъ лицомъ, зелеными глазами и длиннымъ носомъ, спускающимся надъ извилистымъ ртомъ, онъ своимъ выдающимся животомъ на тонкихъ ножкахъ напоминаетъ древняго гіганта.

Жиакомо женился поздно на молодой Шарль Матти, дочери старого каторжника. Созрѣвшая красота Шарль, подъ благословеніемъ небомъ Италии, напоминала роскошный, махровый цветокъ. Профессоръ Жиакомо думаетъ, что его жена такъ же добродѣтельна, какъ и хороша. Онъ не допускаетъ подозрѣній, хотя какъ врачъ, знаетъ слабости и легкомысліе женщинъ, особенно въ семьяхъ бандитовъ, где посѣніе о чести слишкомъ растяжимо. И только явно учащающіе посѣнія дамскаго портного Асканіо Раніера поколебали его спокойствіе. Визитъ его въ отсутствіи Жиакомо повторился, а Шарль его охотно принимала. Однажды, когда профессоръ вернулся домой раньше обычнаго, онъ засталъ Раніери у ногъ своей жены.

Къ событиямъ въ Персіи.

Персидскій шахъ Махомедъ-Али со сноими сановниками на смотрѣ казачьей бригады въ лагерѣ. Въ центре: 1) шахъ, 2) его сынъ-наследникъ, 3) Зилле-султанъ, дядя шаха, 4) полк. Ляховъ и 5) Эмиръ-Богодуръ, нынѣшній военный министръ.

Она не потеряла самобладанія и гордо, величественно удалилась, предоставивъ полную свободу дѣйствій мужу и гостю. Раніери оторопѣвшій стоялъ передъ хозяиномъ. Жиакомо приблизился къ нему съ очень озабоченнымъ видомъ. — Мой другъ, я вижу, что вы страдаете.

Вы хорошо сдѣлали, что пришли ко мнѣ. Я врачъ и мой долгъ облегчать людскія страданія. Вы больны, не отрицаите. Вы очень и очень больны. Лицо ваше горитъ... Головная боль навѣрно. Какъ вы хорошо сдѣлали, что пришли ко мнѣ... Вы меня ожидали съ нетерпѣніемъ, я уѣхалъ въ этомъ... Ужасная головная боль. Говоря это, старики, сильный какъ быкъ, подталкивалъ Асканіо въ свой кабинетъ и заставилъ его сѣсть въ кресло, въ которомъ, въ теченіи сорока лѣтъ столько людей облегчили свои страданія. Затѣмъ, крѣпко держа его за плечо, онъ добавилъ:

— Я вижу, что это у васъ зубная боль. У васъ очень болитъ зубъ. Онъ вынуналъ изъ футляра громадные шипцы, открылъ ему насилиемъ ротъ и однимъ поворотомъ во мгновеніе ока вырвалъ здравый зубъ. Обезумѣвшій Асканіо сорвался съ места и со всѣхъ ногъ бросился къ выходу, выплевывая щѣль потокъ крови... Жиакомо кричалъ ему вслѣдъ съ бѣшеной радостью: — Хорошій зубъ! Чудесный зубъ!

Онъ вѣртѣлъ капельдинеру его отнести въ ложу актрисы, что стоило ему еще десять франковъ.

Теперь великолѣпная розы, широко распустившіяся, полобна устамъ блистательной звѣзды, благосухали окло обожаемой.

Каждый вечеръ въ продолженіе трехъ дней, онъ приходилъ въ театръ спрашивать, неѣтъ ли отвѣта.

— Да, это потому, что онъ не ограничился тѣмъ, что послалъ ей букетъ, онъ положилъ между розами безумное, горячее письмо, въ которомъ не смѣлъ говорить о своихъ желаніяхъ и оплакивать свое отчаяніе.

Первый вечеръ, когда капельдинеръ сказалъ ему: «отвѣта неѣтъ» онъ не былъ удивленъ.

Прекрасная, молодая женщина не имѣла еще времени написать ему хотя бы одно слово.

Второй вечеръ, — опять ничего! Снова ничего и на третій вечеръ

Онъ удалился съ опущенной головой, готовый расплакаться.

Увы! она была безжалостна къ нему. Ее не тронулъ ни разсказъ о его стра-

данияхъ, ни его сердечная мольба. Онъ просилъ такъ мало, всего несколько словъ: — «Мнѣ васъ жаль, или не умѣрайте».

Какъ она была жестока къ нему, несчастному! Такъ размышилялъ онъ, направляясь по улицѣ Martyrs, въ свою половину комнаты, где ждала его теперь твердая постель,

Онѣтъ, онѣтъ! Сна должна быть такъ же добра, какъ и прекрасна! Она не отвѣтила еще сегодня, она отвѣтила завтра, безъ сомнѣнія, она ему отвѣтила. Дѣвъ или три строки только, но милостивыя.

Съ какой благодарностью онъ покроетъ поцѣлуями драгоценное благоухающее письмо. Да, да завтра, не надо отчаяваться! Нѣтъ, онъ не сожалѣетъ что продалъ всѣ свои пожитки, что всюду долженъ, что голодалъ, что сталь, такъ бѣденъ, такъ худъ: вѣдь, онъ благодаря розамъ купилъ высшую радость быть утѣшеннymъ.

Когда онъ, размышиля такъ, проходилъ черезъ бульваръ, онъ увидѣлъ цвѣточницу, выходящую изъ пивнаго, одну изъ тѣхъ женщинъ, которые предлагаютъ извозчикамъ за кофейными столиками тѣ цвѣты, которые перепроданы имъ по низкой цѣнѣ и вѣнцарами и капельдинерами изъ театра.

Онъ скрипѣлъ. Уеялъ, искальзяя, печальнѣй его букетъ! Сна его узналъ и снова купилъ за послѣдній франкъ.

Подъ фонаремъ, дрожащими руками, съ глазами, полными слезъ, онъ нашелъ письмо, котораго сна не прочла, между этими розами, которыхъ сна не понюхала.

Москва, декабря 1826 го да. Мицкевичъ въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской импровизируетъ среди русскихъ писателей

(справа кн. Волконский Барятинский, Хомяковъ, Козловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Погодинъ, Веневитиновъ, Чаздаевъ и друг.).
Картина Г. Г. Мясоедова (XXXVI Передвижная выставка 1903 года въ Петербургѣ).

СМѢСЬ.

250-летний юбилей карандаша. Въ этомъ году исполняется 250 лѣтъ, какъ человѣкъ пишетъ настоящими карандашами. Предшественниками этого простого, но великаго по своему значенію изобрѣтенія были у римлянъ закругленные кусочки свинца, которыми не столько писали, сколько чертили линии. Въ XIV ст. вошли въ употребленіе свинцовыя и серебряные карандаши, которыми пользовались преимущественно художники и рисовальщики. Впервые эти карандаши появились, вѣроятно, въ Италии. Затѣмъ свинецъ стали сплавлять съ оловомъ. Такими карандашами рисовали, между прочимъ, Дюреръ и Гольбейнъ.

Начало современному карандашу положено было открытиемъ въ 1658 г. въ Кумберлендѣ (Англія) копей графита, окававшагося прекраснымъ веществомъ. Первое время фабрикація карандашей, изготавлившихся изъ чистаго графита, была дѣломъ очень труднымъ. Гравить распиливался сперва на большия куски, потомъ на меньшия и, наконецъ, на палочки, которые и вѣлѣвали въ дерево.

Такъ какъ англійскій графитъ обходилъся дорого и, кромѣ того, не покрывалъ всѣхъ требованій, то въ Европѣ къ гра-

фиту стали примѣщивать разные суррогаты, вродѣ сѣры, напримѣръ. Въ Германіи первые карандаши стали изготавляться въ деревнѣ Штейнъ, возлѣ Нюренберга, и первую фабрику основалъ уроженецъ этой деревни, Каспаръ Фаберъ. Это относится къ началу XVIII ст., когда уже найденъ былъ графитъ въ Германіи и Австріи.

Въ 1795 г. два фабриканта, Іосифъ Гардмутъ и Жакъ Конте, стали одновременно примѣщивать къ графиту глину. Это повело къ большимъ успѣхамъ въ дѣлѣ карандашной фабрикаціи. Новый способъ далъ возможность изготавливать карандаши различной твердости и черноты.

Съ тѣхъ поръ фабрикація карандашей стала быстро раззинаться и приняла въ Европѣ большия размѣры. Мѣстомъ самой значительной фабрикаціи остается Нюренбергъ, где 30 фабрикъ изготавливаютъ ежегодно около 300 миллионовъ карандашей.

Бѣгъ вегетаріанца и не—вегетаріанца. На-дняхъ въ Копенгагенѣ состоялось оригинальное состязаніе на бѣгъ между вегетаріанцемъ и „мясоядущимъ“. Вегетаріанецъ Бреквольдтъ, господинъ 43 лѣтъ, презираетъ питающихся мясомъ отъ всей души. Самъ онъ питается почти исключи-

чительно бананами и водой. Поэтому народная молва и окрешила бѣгъ—состязаніемъ между бананами и бифштексомъ. Вызовъ брошенъ былъ Бреквольдтомъ. Откликнулся отъ сторонниковъ убийны нѣкій Конрадъ, торговый служащий, молодой человѣкъ 21 года. Разстояніе назначено было 350 верстъ, призъ побѣдителю—100 кронъ.

Состязаніе состоялось подъ контролемъ велосипедистовъ. Оба противника съ самого начала избрали разныя системы. Поклонникъ бифштекса днемъ, въ жару, спалъ, а въ путь отправлялся ночью, а вегетаріанецъ, не желая спорить съ природой, ночью спалъ, а въ путь отправлялся днемъ.

Первые три дня одинъ другого обгонялъ, и шансы были равны, но затѣмъ, съ полдороги, вегетаріанецъ, къ разочарованію своихъ единомышленниковъ, сѣлъ въ поѣздъ и вернулся въ Копенгагенъ. Ноги его оказались въ пузыряхъ и вспухшими до такой степени, что продолжать состязаніе представлялось невозможнымъ.

Второй изъ состязающихся продолжалъ путь и благополучно вернулся въ Копенгагенъ черезъ пять дней. Союзъ мясниковъ устроилъ ему встречу и поднесъ серебряный бокаль.